

Прочитав почти половину романа «Боевое зло» и вполне освоившись в его реалиях, Го Нуань прекрасно понял: в мире, где каждый первый оттачивал боевые искусства, участь обычного человека незавидна. Быть здесь простым, «нормальным» смертным — настоящее проклятие.

В самом романе автор, Гэань Цзян, уделил этой прослойке общества совсем мало внимания — лишь тогда, когда Лэй Лижэнь с разорванными меридианами оказался выброшен на улицу и ютился в Храме Бога Войны. По кучке опустившихся нищих, ставших изгоями, можно было лишь вскользь судить об их доле, но об истинном положении вещей писатель распространяться не стал.

Для великих практиков боевых искусств простые люди оставались лишь блеклым фоном, живыми декорациями. Разносчик вина в трактире, управляющий лавкой, кучер, ремесленник, кующий оружие или отливающий побрякушки, — все они всплывали на страницах лишь ради продвижения сюжета. Безликие, безымянные пешки, любую из которых можно было заменить без малейшего ущерба для истории.

Возможно, в такой обыденности тоже скрывалось свое маленькое счастье. Но в этой суровой реальности слабых безжалостно притесняли те, кто владел силой. Жизнь и смерть простых людей целиком зависели от чужого произвола. Жалкое, бесправное прозябание, где ты себе не хозяин.

И подобная участь для Лэй Лижэня была бы худшим оскорблением.

Если ему суждено влачить столь жалкое существование, Го Нуань действительно пожалеет, что вообще позволил ему выжить.

Убедившись, что трактирщик занят своими делами и не следит за ним, Го Нуань со всех ног бросился к Чжан Мяо и отчаянно залаял прямо перед его лицом.

— А, это ты, — мягко улыбнулся пробудившийся старик и открыл глаза. — Ну что, у него всё получилось?

Разумеется, старик не ждал ответа. Пусть накануне этот малый и проявил поразительную сообразительность, спасшую ему шкуру, Чжан Мяо прекрасно видел: перед ним обычный желтый дворняга. Да, на редкость смывленный, но до высокоуровневых демонических зверей, способных понимать человеческую речь, ему было как до луны.

Да и те, по правде говоря, не умели полноценно общаться с людьми.

— Гав! Гав! Гав! — отчаянно лаял пес.

«Ты ведь можешь помочь Лэй Лижэню, правда?! Почему ты не отведишь его к своему другу, чтобы тот вылечил его, как было в романе? Он не должен прозябать в этой грязи! Ты ведь в силах всё исправить, почему просто стоишь в стороне?!»

От этого надрывного лая Чжан Мяо совершенно растерялся. Сперва он подумал, что с Лэй Лижэнем стряслась беда, но по морде собаки этого сказать было нельзя — тот просто отчаянно пытался что-то до него донести.

Чжан Мяо озадаченно почесал затылок. Ну о чем, скажите на милость, может толковать обычный пес?

И всё же он тихо спросил — то ли обращаясь к псу, то ли рассуждая вслух:

— Ты ведь хочешь, чтобы я ему помог, верно?

— Тяв! — «Да!» — Го Нуань закивал с такой готовностью, словно боялся, что собеседник упустит этот жест. Сейчас его совершенно не заботило, что столь поразительный для собаки ум может напугать старика или натолкнуть его на дурные мысли.

Чжан Мяо подавил изумление. Пес и впрямь оказался чересчур смышленным — похоже, действительно понимал человеческую речь. Неудивительно, что вчера этот малый так яростно вцепился в его руку.

Укус уже почти не болел.

— И как же мне ему помочь, по-твоему? — прищурился Чжан Мяо.

— Гав! Гав! — «Просто вылечи его! В этом мире тебе для этого достаточно лишь пожелать. Одно твое слово — и всё решено. Для тебя это сущая мелочь, но для Лэй Лижэня это изменит абсолютно всё!»

Разумеется, Чжан Мяо не мог разобрать собачий лай, но это не мешало ему строить догадки.

— Ты увидел мои боевые техники и решил, что я могу обучить его?

Старик сомневался, что собака вообще понимает, насколько безнадежны разорванные меридианы. Он решил, что пес просто увидел в нем сильного практика боевых искусств и надеется вытащить хозяина из нищеты. Ему и в голову не могло прийти, что в теле невзрачной дворняги ютится человеческая душа, знающая все его сокровенные тайны.

И пусть в этой новой реальности сюжет «Боевого зла» уже сделал крутой поворот, предыстория, расстановка сил и могущество ключевых фигур оставались неизменными —

такими, какими их когда-то определили изначально. Различался лишь выбор, который делали герои, и именно эти крупницы воли вели к тектоническим сдвигам в их судьбах.

— Я не могу его спасти, — тяжело вздохнул Чжан Мяо. — Да и если бы мог... я не смогу оберегать его всю жизнь.

— Гав! Гав! Гав! — Го Нуань занервничал пуще прежнего.

«Но если ты откажешься, в этом проклятом мире ему больше никто не поможет!»

— В этом мире полным-полно тех, кто нуждается в спасении. Почему я должен помочь именно ему?

Среди простых смертных хватало тех, чьи каналы ци были искалечены чужой жестокостью. Если бы Чжан Мяо каждый раз поддавался жалости, ему пришлось бы лечить тысячи бедолаг. Будь это легкая простуда, старик не колебался бы ни секунды. Но исцелить подобное увечье стоило невероятных трудов.

Количество редчайших трав и душевных сил, необходимых для восстановления каналов ци, не поддавалось описанию. Именно поэтому на протяжении веков с подобным недугом могли совладать лишь истинные Святые целители.

Почему именно он? Чем он лучше остальных?

На семи континентах мира «Боевого зла» проживали сотни миллионов людей, и калек среди них насчитывалось как минимум несколько сотен тысяч. Почему из этого бесчисленного множества спасения заслуживал именно Лэй Лижэнь? Почему не кто-то другой?

Только потому, что он главный герой?

Но кто решает, кому быть главным? Автор на бумаге? Для Чжан Мяо этот мир не был книгой — это была его единственная и суровая реальность.

Го Нуань удрученно опустил голову.

«У-у-у», — тихо, жалобно заскулил он и, круто развернувшись, бросился прочь.

Чжан Мяо проводил удаляющегося пса долгим взглядом и лишь молча покачал головой.

В трактире было немногочисленно. Ван Мацзы, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы подлить гостям вина, стоял в углу и негромко переговаривался с Лэй Лижэнем.

— Ты хоть понял, о чем я тебе толкую? — Ван Мацзы вздохнул. Мальчишка перед ним был еще совсем зеленым, наивным, и мужчина сам не понимал, с чего вдруг решил разоткровенничаться.

Лэй Лижэнь хранил ледяное молчание. Он попросту не знал, что ответить на этот неожиданный душевный порыв, да и чужое навязчивое дружелюбие его скорее тяготило.

— Глупый еще, — добродушно усмехнулся Ван Мацзы, проигнорировав холодность собеседника. — Подрастешь — сам всё поймешь.

В душе Лэй Лижэня шевельнулось любопытство, он уже приоткрыл рот, собираясь спросить, но вовремя осекся. Какое ему дело до чужих откровений? Мальчик смолчал, загнав невольные вопросы поглубже.

— Вот если когда-нибудь ты по-настоящему полюбишь... — Ван Мацзы не договорил. Его внимание внезапно привлек один из посетителей, который поспешно поднялся из-за стола и направился напрямик к выходу.

Зазывала сорвался с места, а Лэй Лижэнь не стал забивать себе голову его оборванной речью.

Ван Мацзы в несколько широких шагов перегородил дорогу уходящему гостю и громко выкрикнул:

— Почтенный, с вас восемнадцать вэней!

Громкий голос эхом разнесся по залу, заставив трактирщика и нескольких сидевших неподалеку гостей обернуться.

Посетитель, втянув голову в плечи, попытался напролом проскочить к двери, но Ван Мацзы намертво преградил ему путь.

По залу поползли недовольные шепотки.

Го Нуань, едва вернувшись к заведению, сразу почуял неладное. Внутри назревала нешуточная потасовка.

Заглянув внутрь, он увидел классическую сцену: какой-то наглец отказывался платить за обед, а сидевшие вокруг практики боевых искусств лишь равнодушно попивали свое вино, делая вид, что их это не касается.

— Уважаемый, если у вас сейчас нет при себе монет, вы можете оставить что-нибудь в залог, — примирительно предложил Ван Мацзы, пытаясь замять неловкую сцену.

Го Нуань бросился на выручку. Мужчина с силой оттолкнул Ван Мацзы и уже сделал шаг к выходу, но тут в его щиколотку мертвой хваткой вцепился маленький желтый пес.

И пусть зубы Го Нуаня встретили плотную ткань штанов, челюсти он сжал так яростно, что наглец взвыл от боли.

Наглец со всей силы пнул собаку, отшвыривая ее в сторону, и вновь зашагал к выходу.

Остальные практики боевых искусств в зале и бровью не повели. А поскольку ни хозяин заведения, ни слуги не владели боевыми искусствами, им оставалось только безмолвно сносить обиду и отпускать наглецов восвояси?

В романе автор лишь вскользь упоминал, что местные заправила частенько пировали за чужой счет, доводя простых владельцев лавок до отчаяния.

В таких захолустных уголках владельцами постоянных дворов никогда не были грозные практики боевых искусств.

И всякий раз хозяевам и слугам приходилось безропотно терпеть издевательства. Проклятый, безжалостный мир!

Здесь не существовало ни судов, ни законов. Города и поселки безраздельно принадлежали сильным кланам, которые делили между собой ресурсы и устанавливали собственные порядки.

Именно поэтому, когда впоследствии Лэй Лижэнь вырезал под корень весь поселок Селань и бежал на чужбину, это не повлекло за собой никаких последствий. Случившееся в затерянной глухомани попросту никого за ее пределами не волновало.

Го Нуань зарычал от бессильной ярости. Мысль о том, что Лэй Лижэню предстоит выживать в этом гнилом болоте, наполняла его черным отчаянием.

Когда пса швырнули оземь во второй раз, Лэй Лижэнь заметил, как из окровавленной пасти Го Нуаня потекла кровь — бедолага сильно повредил зубы от удара.

Наглец, решив, что путь свободен, шагнул к выходу, но тут его рукав кто-то крепко перехватил. Обернувшись, он увидел перед собой щуплого мальчишку.

— Эй, малявка, не путайся под ногами. Пошел прочь! — огрызнулся практик боевых искусств.

— Восемнадцать вэней, — бесцветно произнес Лэй Лижэнь.

Его взгляд, холодный и неподвижный, напоминал стоячую воду глубокого колодца.

Мужчина брезгливо дернул плечом, отбрасывая паренька прочь, и снова повернулся к двери.

Но Лэй Лижэнь снова крепко схватил его за рукав.

Не говоря ни слова, практик боевых искусств рванулся сильнее, буквально швырнув мальчишку на пол.

Ван Мацзы попытался вмешаться и удержать Лэй Лижэня.

— Малыш, оставь его... Дались тебе эти гроши, — негромко прошептал он.

Но едва слова слетели с его губ, зазывала наткнулся на ответный взгляд Лэй Лижэня — ледяной. Мужчина осекся, не смея пошевелиться. В этот миг Ван Мацзы отчетливо понял: мальчишке плевать на несчастную медь. Ему важно лишь то, что этот урод посмел ударить его пса.

Наглецу эта канитель изрядно надоела. Конечно, прибить сопливого оборванца в этой глуши ничего не стоило, но если у щенка обнаружатся родственники, хлопот потом не оберешься.

Устав бороться с непонятым упрямством мальчишки, он с досадой залез в карман, выгреб горсть монет и с силой швырнул их на пол.

— На, подавись! Ну и псих, — сплюнул он и зашагал прочь.

Мужчина скрылся за дверью, продолжая ругаться на ходу, но брошенное им клеймо прочно засело в умах присутствующих.

И пускай благодаря выдающемуся таланту когда-то Лэй Лижэнь гремел на всё семейство Лэй, за пределами поместья его мало кто видел в лицо. Для простых жителей поселка он оставался безвестным оборванцем.

Лэй Лижэнь даже не взглянул на рассыпанную медь. Ван Мацзы опустился на корточки и аккуратно собрал монеты с грязного пола.

Сам же мальчик уже сидел рядом с Го Нуанем, бережно его осматривая. Зубы пса, к счастью, уцелели, но язык от сильного удара оказался глубоко рассечен, и из раны непрерывно сочилась алая кровь.

Го Нуань, чувствуя искреннее беспокойство Лэй Лижэня, преданно лизнул его пальцы, стараясь показать, что всё в порядке.

Кровь с языка собаки испачкала пальцы мальчика. Лэй Лижэнь заворуженно уставился на липкие красные следы, и взгляд его сделался пугающе темным.

Трактирщик, оценив самоотверженность этой странной парочки, расщедрился и выделил им в награду один вэнь. Лэй Лижэнь бережно спрятал монетку.

И у Го Нуаня вновь тоскливо сжалось сердце.

<http://bllate.org/book/20621/2151995>